

Глеб Иванович Успенский

Избушка на курьих ножках

Кой про что

Глеб Успенский

Избушка на курьих ножках

«Public Domain»

1885

Успенский Г. И.

Избушка на курьих ножках / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1885 — (Кой про что)

«...Рассказ... построен на противопоставлении идеализированного представления о крестьянской жизни в труде для себя (хотя и с оговоркой: «если только благополучно утвердиться») – тяжелой жизни оторвавшегося от земли крестьянина, скитающегося на заработках по городам и селениям. Но жизнь Михайлы с женой, осевших опять на землю, и в крестьянстве показана писателем-реалистом без народнической идеализации – в тяжком труде и во всевозможных «недостачах», в «большом горе людей, живущих в маленькой избушке»...»

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Глеб Иванович Успенский

Избушка на курьих ножках

(продолжение предыдущего)

I

– Подумаешь, подумаешь, – какой еще жизни надо нам от бога просить, кроме крестьянской, ежели только бы мало-мальски благополучно утвердиться?

Вслух сделав этот вопрос, возница мой не дал на него никакого определенного ответа, а только глубоко вздохнул, хлестнул лошадей и опять замолчал. Мы оба молчали с ним и оба много думали молча, возвращаясь после «осмотра двора» домой. И было о чем подумать нам обоим. Он – бедный крестьянин-труженик, много видевший на своем веку, – с глубоким благоговением смотрел на благосостояние двора, в котором будут жить и хозяйствовать будущие молодые, здоровые и веселые муж и жена, и то, повидимому, вполне возможное удовлетворение всех самых широких желаний крестьянской мысли и потребностей, которое он видел в благосостоянии осмотренного нами крестьянского хозяйства, родило в его уме множество воспоминаний и дум, закончившихся многозначительным и глубоким вздохом человека, хорошо знавшего, в чем заключается крестьянское счастье, но не много видевшего этого счастья на своем веку.

Было о чем подумать и мне, не крестьянину. Осмотр двора, в котором будут со временем жить и хозяйствовать Сергей и Марфа, и на меня, человека постороннего крестьянским идеалам и желаниям, произвел впечатление не менее многосложное, чем на Михаилу. Хорошо, и всего в доме много; все есть: дом – полная чаша. Но, думалось мне, неужели же только на мысли или заботе о едином хлебе будет основан весь этот сложный обиход жизни, и притом жизни до конца дней? Мы пересмотрели каждую малость до косы, грабель, сохи и косаря включительно; все это потрогали «собственными» своими руками; переглядели зубы у каждой лошади, щупали у коров в боках, в ребрах; щупали что-то в шерсти живой овцы, даже в ее живое мясо запускали пятерни до того, что овца начинала протестовать блеянием. Всем сонмищем гостей, отцов, матерей и посторонних зрителей и любителей с удовольствием взяли мы по колено в жирных и глубоких пластах накопившегося в скотнике навоза и по чистой совести говорили слово «благодать!», если приходилось увязнуть выше колен; но в конце концов меня, как непривычного человека, начинало утомлять обилие трудовых приспособлений, обилие мелочей, обставляющих этот вековечный непрерывный труд – труд для одежды, «обужи», чтобы, приобрета то и другое, приобрести в, конце концов и кусок хлеба, а при его помощи опять же биться из-за одежды и из-за «обужи», и так жить до конца дней.

«Неужели же все это – о едином хлебе?» – не без страха перед ничтожностью суеты сует приходило мне в голову, по мере того как внимание мое все более и более утомлялось обилием хозяйственных мелочей. Я невольно припоминал свой собственный опыт деревенской жизни, притягивающий как отдохновение от суеты сует городской, и находил, что и деревенская суета сует не выработалась ни во что иное, кроме пустопорожного недосуга.

Но едва мысль отрешалась от впечатлений, возбуждаемых обстановкою хозяйственного крестьянского двора, и прикасалась к тем впечатлениям, которые в городе побуждали меня иногда искать «отдохновения в деревне», как тотчас же воображение начинали осаждают такие воспоминания, от которых становилось несравненно страшнее, чем от утомляющих мелочей добывания крестьянского хлеба, крестьянской одежды и «обужи».

Между прочим совершенно неожиданно вспомнилась небольшая газетная заметка, которую я прочитал накануне во время дороги. В каком-то судебном учреждении, где были прокурор и адвокат, разбиралось дело о крестьянке (я забыл ее фамилию), обвинявшейся в небрежном отношении к своему ребенку. Дело заключалось в том, что ребенок был оставлен без надзора матерью-поденщицей в углу, который она занимала. В отсутствие матери, ушедшей на поденщину, ребенок влез на окно и по неосторожности свалился со второго этажа на мостовую двора, расшибся и, кажется, умер. Не могу припомнить, умер ли он или нет, но о его увечье был составлен протокол и препровожден куда следует. Без виноватого и протокол не в протокол. Привлечена была мать, виновная в таком нерадении, последствием которого было увечье ребенка и даже, кажется, его смерть. Прокурор требовал подвергнуть ее двухнедельному тюремному заключению; защитник был снисходительнее и покорнейше просил ограничиться штрафом в три рубля. «Последнее слово» обвиняемой состояло в том, что она просто показала суду свои мозолистые руки, объявила, что, работая поденно за 30 копеек, она не может заплатить суду трех рублей и что если ребенок ее и расшибся, то потому, что брать его с собою на работу нельзя, а нанимать ему няньку нет средств. Все это оказывалось столь простым и удобопонятным, что обвиняемая, кажется, была оставлена без наказания.

В деревне оставленный матерью ребенок может также вывалиться из окна и умереть от ушиба, он может даже всю деревню сжечь, оставшись один. Но никому в голову не придет представлять во имя справедливой кары какую-то комедию единственно из-за того, чтобы заработать на ней средства к жизни. Ребенок может убиться, умереть и пролежать мертвым целые сутки; наконец, его может съесть свинья, но виноват в этом будет только подлинно виноватый, то есть случай, благодаря которому ни матери, ни людей дома не было и некому было помочь, заметить пожар, прогнать свинью, помочь ребенку.

Тот кусок хлеба, который добывается деревенской хозяйственной, тянущейся всю жизнь от колыбели до могилы, суетой сует, – мне кажется, ставит и душу человеческую в невозможность быть проданной из-за куска хлеба. И во мне рождается сомнение: точно ли в этой хозяйственной суете сует забота только о едином хлебе? Может быть, в этой неустанной суете сует вокруг своего дома и своей личности оказывается самая тонкая щепетильность человеческого достоинства, не желающего подвергнуть малейшему насилию свою неизломанную душу?

Вот какие думы волновали меня на возвратном пути с «осмотра двора», и я был душевно рад, когда мои колеблющиеся мысли были сразу прекращены неожиданным возгласом Михайлы, также крепко думавшего обо всем виденном и слышанном нами. Думал он по-своему, по-крестьянски; до поразительности ясно видел перед собою красоту и «благодать» хорошего, прочного крестьянского хозяйства, и в тоне его голоса, которым он нежданно-негаданно произнес слова о том, что ежели бы бог дал хорошо устроиться по-хозяйски, так человеку и желать больше нечего, слышалась такая незыблемая вера в каждое слово, что я с радостью прекратил мои тревожные думы. Я просто оборвал их и был рад слышать уверенную, твердую, ни в одном слове не выдуманную человеческую речь...

– А все-таки, – сказал я, чтобы вызвать Михайлу на разговор и прекратить свои собственные размышления, – все-таки и вам без денег в хозяйстве не обойтись!

– Да ведь как же обойдешься-то! – неохотно проговорил он и замолчал.

II

Ехали мы с Михайлой медленно; времени у нас было много; оба мы знали, что до отъезда на железную дорогу вдоволь еще успеем насидеться и дома и на вокзале; впечатления виденного навели нас на трудные и многосложные размышления, и мы оба, хорошо это понимая, свободно предавались молчанию, зная, что не стесняем этим друг друга. Лошади шли тихонько по грязноватой лесной дороге, которая размякла под вечер от какой-то густой сырости, расплывшейся по земле под вечер. В вечернем сумраке, окруженные густым сырым воздухом, недвижно, не шевеля ни одной веткой, медленно проходили мимо нашей телеги голые деревья; ни звука, ни птички, тишина и молчание.

И долго молчали мы после последнего замечания о деньгах; вопрос мой о них, очевидно, попал в течение мыслей Михайлы и осложнил их новыми соображениями. Долго не говорил он ничего, и долго я видел перед собою только его широкую спину и широчайший воротник его армяка, поднятый выше затылка. Думал он о чем-то, тихо понукал лошадей, шевелил кнутом и молчал.

– Деньги! – наконец нерешительным голосом произнес он, слегка повернувшись в мою сторону. – Деньги, оно, конечно, что говорить... А уж как они нашему брату, мужику, трудны – так это не дай господи!..

Подумал он, помолчал и проговорил:

– И опять сказать – складу у нас округ денег нет настоящего.

И опять Михайло подумал и опять сказал:

– Вон один мужик как-то у нас оставил сыну пятьсот рублей денег, а сын-то, чем бы как добром их обернуть, только и выдумал вместе с матерью ломаться над женой да над женой родней, потому бедные крестьяне. Мудрят оба над нищими – только и проку вышло от денег... А без денег, может, и просто бы вместе с женой в упряжке шел, тихо, смиренно... Как тут разобрать?.. – Михайло снова замолк, что-то соображая. – Или так сказать: приходят деньги по препорции, – продолжал он, – и тогда хорошо бывает. Вот хоть бы взять Петькина отца¹. Уж, кажется, всю семью прямо на голодную смерть вел. Во всем расстройство – ни хлеба, ни одежды... Что сработает на рубль, на полтора по плотницкой части, то и пропьет с горя... А как попал махонькой Петюшка на фабрику спички делать и стал каждую субботу аккуратно деньги приносить – гляди-кось, теперь вся семья и стала на ноги! Право слово! И мать Петькина хоть на человека похожа стала. Прежде, бывало, идет – грудь голая, на плечах мужнин армяк лохмотьями по голым ногам бьет, а теперь, ей-богу, на человека похожа! Да и сам-то хоть немного от пьянства отчихался, все по дому стал больше хлопотать... А все на Петьке держится... Родители-то его почитают: «Кормилец наш, говорят, ты наш хозяин, Петенька золотой!.. Не погуби нас!..» Вот Петька-то и раздрается; прежде коробки клеил, а теперь уж и в самое пекло влез... Слаб мальчонка, «рвота, говорит, иной раз от спичкинова составу-то донимает», а все прет, серденок... Ну а как Петька-то помрет, задохнется от составу-то?.. Легко ли дело этакому мальчишке на своей шее эку ораву выволочь? А в крестьянстве-то, ежели то есть господь даст все благополучно, – ан там-то дело-то потверже будет, и спичек своих можно будет сделать!.. Михайло стегнул лошадей и сел ко мне совсем полуоборотом.

– Или, примером, взять тож с этими спичками другой оборот. Есть тут у нас мужичок Спиридонов с женой и с пятью детьми... И жил он до этих самых спичек вполне по-крестьянски, форменно... А с пятью-то детям сам, чай, знаешь, легкое ли дело хлеб-то добывать?.. Ребятишки не велики, помоги от них не видать – оно и захрустит в хребте-то. Ну, однакож, жили хоть и трудно и бедненько, а по-хорошему, на порядочном положении... Вот и пробираются

¹ См. рассказ «Петькина карьера».

в наши места эти самые спички... Стали собирать ребят, стали лакомить деньгами... Шутем-шутем, то Петюшка гривенник притащит, то Марфутка пятак волочит; то коробки какие-то, то лучинки – так, на мужицкий глаз, плевое дело. А между прочим – деньги-то дают! Вот и стали родители во вкус входить... Понемножку да полегоньку – и Спиридонов-то всех своих пятерых представил на фабрику... Да как стали они пятеро-то ему каждую неделю по полтора целковых приносить каждый, так они оба с женой-то и раскисли... Расслабели, развезло их от полного удовольствия! «Пойдем, Авдотья, в трактир, попьем, погуляем с тобой! Господь нам радость послал! Думали, как бы с ребятами по миру не пойти, ан вон какой оборот вышел! Ровно помещики мы с тобой, Дунька, оказались! Теперь рожай сколь хошь! Не робей! Окончательно проживем на белом свете по-хорошему... Пей, Дунька, ничего, слава богу, господь нас не оставляет!» Ну а как господь-то оставит? Как привыкнет Спиридонов-то не беспокоиться? А как ребята от хозяйства отвыкнут? Тогда что?

Михайло замолчал, вопросительно глядя на меня:

– Вот деньги-то! – сказал он, тряхнув головой. – Нескладно у нас что-то с ними в крестьянстве!.. Уж нет того хуже, как мужику да без крестьянства деньги на хлеб добывать! Не приведи царица небесная!..

Михайло с глубоким отчаяньем махнул рукой.

– Страшно, страшно, братец ты мой, идти по свету копейку на хлеб добывать!.. – продолжал он с дрожанием в голосе. – Вот он, свет-то белый, на все четыре стороны, конца краю ему нет! Иди! Отыщи в нем гривенник!.. Нет! Не дай бог лихому лиходею отведать этого!..

Я не понимал того чрезвычайного волнения, которое чувствовалось в голосе Михайлы, когда он говорил последние слова, и молчал.

– Мне вот, ежели сосчитать, – продолжал Михайло нервным и дрожащим голосом, – почитай уж за сорок перевалило... Работаю я по дому один с бабой, ребятенки маленькие, иной раз и хребет не покоряется – ни согнуть, ни разогнуть... И дожили мы своими трудами, сам ты знаешь, до мышинной норы. Не то дом, а избой назвать нельзя нашего жилья... Не больше как на курьих лапках, на веретенных пятках избушка, как в сказках сказывается, а и то она мне земной рай! И за то я и денно и ночью бога благодарю, что удостоил он меня к тихому пристанищу пристать!.. И с голоду будем сидеть, кору с высевками мешать, и то я своей норы не оставляю!

– А если хорошее место попадетсЯ? – оказал я, желая случайным и незначимым вопросом немного поуспокоить взволнованного Михайлу.

– Золотом осыпь – и то не пойду из своего угла, не покину своей землишки! Ты спроси-ко у меня, как я жизнь-то свою перестрадал без крестьянства-то! Спроси-кось ты меня, как я гривенник-то на хлеб на соль по белу свету разыскивал! – так вот тебе и станет явственно видно: тебе сказывает – избушка на курьих лапках, на веретенных пятках близ тракту стоит, где извозчик Михайло с семьей бьется; а мне оказывает – рай пресветлый, а не на курьих ножках! Вот как я нору-то мою по моим мучениям понимаю!..

Михайло, вдруг сняв с головы шапку, перекрестился широким крестом и произнес торжественно:

– Благодарю моего господя! Приютил меня на святой своей земле!.. Доволен, ничего больше не желаю!..

Громко и долго благодарил Михайло бога за его милости. Наконец, немного успокоившись и надев шапку, он оборотился ко мне и еще раз проговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.